

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОЙ НОМИНАЦИИ В ПОВЕСТИ ВЛАДИМИРА КОРОТКЕВИЧА «ЛАДЬЯ ОТЧАЯНИЯ»

На материале повести Владимира Короткевича «Ладья Отчаяния» рассматриваются текстообразующие функции имен собственных в художественном тексте, выявляется подтекстовая информация, заложенная в антропонимах, определяется роль имени в реализации авторской идеи.

Ключевые слова: антропоним, личностная номинация, художественный текст, Владимир Короткевич, авторская идея

Художественный текст представляет собой специально организованное пространство, где каждый элемент вписывается в общую эстетическую картину, играет важную роль в реализации авторской идеи. Одним из таких значительных элементов текстового пространства являются собственные имена.

Антропонимы художественного произведения только внешне похожи на имена реальных людей. Они тесно вплетаются в ткань произведения, вступают во взаимодействие со всей системой средств, использованных автором для реализации художественной идеи. Имя, данное автором конкретному герою, не является случайным, и выбор антропонима – процесс целенаправленный и сознательный. Нередко авторы используют ассоциативность имени собственного, чтобы привлечь внимание к тому или иному персонажу [2, с. 145]. Примером этому может служить повесть Владимира Короткевич «Ладья Отчаяния» («Ладдзя Роспачы»).

Действие повести происходит в середине XVI века. Автор маркирует текстовое время достаточно расплывчатым указанием: *Жыў сабе год чатырыста назад у беларускім горадзе Рагачове небагаты, але добрага роду дваранін на прозвішчы Гервасій Выліваха* [1, с. 130]. Установить более точный промежуток времени помогает появление в качестве действующих лиц повести реальных исторических персонажей – польского короля Сигизмунда и его жены Боны Сфорцы. Как известно, Бона Сфорцы была королевой польской и великой княгиней литовской с 1518 по 1556 гг.

Достаточно точное указание на время и место действия (г. Рогачев) еще больше подчеркивают фантастический характер событий, описанных в повести. Сюжет повести достаточно традиционен и интертекстуален: путешествие главного героя в царство Смерти и его возвращение назад. Однако классик белорусской литературы очень своеобразно обыгрывает классический сюжет, насыщает его реалиями белорусской жизни XVI века и создает истинный шедевр, являющийся гимном Человеку.

Первое, что обращает на себя внимание, что автор выбирает на роль героя далеко не героическую личность – жителя Рогачева Гервасия Выливаха. В тексте повести для передачи авторских оценок и самохарактеристики этого героя чаще всего используется оценочная лексика с выразительной негативной коннотацией: *брахун* разм., *пагард*. ‘ілгун, хлус, манюка’, *бязбожнік* лаянк., *пагард*. ‘пра несумленнага чалавека’, *бабнік* разм., *зневаж*. ‘той, хто вельмі захапляецца жанчынамі’, *п’янюга* разм, *пагард*. ‘той, хто многа п’е спіртных напіткаў; алкаголік’ и др., что не сочетается с качествами положительного героя.

В художественном произведении антропоним всегда определяет статус персонажа: гендерная принадлежность, национальные и возрастные характеристики, социальное положение. Имя главного героя дает вдумчивому и понимающему читателю достаточно много информации о статусе этого героя: *Жыў сабе год чатырыста назад у беларускім горадзе Рагачове небагаты, але добрага роду дваранін па прозвішчы Гервасій Выліваха. Быў ён з калена Давойнаў, з клана – Мячоў, а якога герба – за даўнасю год забылася* [1, с. 130].

Во-первых, имя подчеркивает достаточно высокий социальный статус героя: он, пусть и обедневший, но дворянин, о чем свидетельствует наличие фамилии. Во-вторых, фамилия дает полное основание считать нашего героя белорусом. Фамилию *Выливаха* (как помечает в сносках сам автор, *выливаха* – белая цапля) можно отнести к так называемым первичным белорусским фамилиям, образованным от имен собственных или кличек без добавления словообразовательных формантов. Такие фамилии Н.В.Бирило, основатель белорусской ономастической школы, считал истинно белорусскими [2, с. 65]. В-третьих, выбор имени позволяет судить о времени действия: оно не является употребительным в современной Беларуси.

Однако фактически имя и фамилия находятся в явном противоречии с собой: имя *Гервасій* – славянский вариант латинского имени *Гервасиус* ‘тот, кто владеет копьем’ – сочетается с фамилией *Выливаха*, которая имеет выразительную внутреннюю форму. Ассоциации, связанные с фамилией, рисуют читателю человека, который скорее владеет бокалом, нежели копьем. Это противоречие подчеркивается и особенностями поведения главного героя: *Сабою быў дзівосна гожы і пяшчотны, а наводзін – самых заганных* [1, с. 130].

Композиционно в повести можно выделить две части – земная жизнь главного героя и его путешествие в царство Смерти.

В первой части Гервасия сопровождают его друзья: *І сябры ў яго былі аднаведныя. Андрэй Гарбаты з Брачыславічаў, Кірык Балабан з Гультаёў, Галляш Вясна са Свінчуковічаў ды яшчэ Іра Францічак, за пераплёт на служэнне надзелены вёскай Мазурыкі, родам багемец, але п’янюга і бабскі ліслівец – на трох беларусаў* [1, с. 130].

Обращает на себя внимание то, что выбор имени для друзей главного героя построен на том же принципе – заимствованное имя с положительной коннотацией первичного значения и говорящая белорусская фамилия: *Андрей* (греч. ‘мужественный, храбрый’) *Горбатый*; *Кирик* (форма греческого имени *Кирилл* ‘властитель’) *Балабан* (‘болтун, пустослов’), *Гальяш* (форма еврейского имени *Илья* ‘Бог мой Яхве’) *Весна*, *Ира* (форма греческого имени *Ириней* ‘мирный’) *Франтичек* (уменьшительно-ласкательная форма имени Франтишек). Автор как бы играет с сочетаниями имени и фамилии, ассоциативно связывая слова не совсем связуемые между собой. Отметим и то, что в характеристики друзей Гервасия автор включает названия владений, тоже достаточно показательные: *Гультаи*, *Свинчуковичи*, *Мазурики*.

В результате создается портрет веселых, земных людей, для которых самое важное в жизни – получить от жизни удовольствие.

Эта веселая ватага не желает вписываться в уклад жизни славного города Рогачева: *Толькі ўсёй і працы ў іх было, што цягацца па корчмах і шынкарках ды па навакольных замках, калі гаспадара няма дома, піць віно, як Дняпро п’е Друць, ды дзярбаніць на лютнях і кімвалах багамерзкія песні* [1, с. 131]. И рогачевцы не могут смириться с разгульной жизнью Выливахи и его друзей.

Для описания рогачевского общества автор выбирает совершенно иной подход: *Адабралі жонак у пана земскага пісара, і ў пана лоўчага, і ў пана старасты, і ў пана кашталяна, і ў пана наглядчыка за бровымі гонямі* [1, с. 132]. В.Короткевич практически лишает жителей города Рогачева индивидуальности, делая акцент на должностях и социальном статусе. Личные имена упоминаются только у некоторых жителей: *Біскуп Смарагд хадзіў па наваколлі, зачыняючы грэцкага абраду цэрквы, а дабро іхняе рабуючы* [1, с. 132]; *А сам Гервасій Выліваха звёў і паіў вельмі многіх, і нават каханку палкоўніка Чыжа* [1, с. 132]. Однако вновь обращает на себя внимание, что фамилия персонажа обязательно сопровождается указанием на статус: *бискуп, полковник*. Употребляя метафоры, автор лишает жителей Рогачева даже человеческого облика: *Ужо нібы не чалавечая зборня сядзела ў радзе і на капе, а статак галінастых аленяў. І не глязелі алені адзін аднаму ў вочы ад вялікага сораму* [1, с. 132].

Такой прием позволяет В.Короткевичу не только противопоставить компанию Выливахи и рогачевское общество, но и высказать свое отношение к двум конфликтующим сторонам. Рогачевцы – безлика, лишённая проявления индивидуальности масса, для которой важны внешние приличия и высокий статус. Выливахи и его друзья – живые, веселые, яркие и очень земные люди.

Подобный прием используют автор и во второй части повести, где герой оказывается в царстве Смерти. Вместе с другими людьми ладья отчаяния везет Гервасия к месту вечного пристанища. На ладье собралось достаточно большое количество гребцов, однако автор называет нам имена только двух из них – *Гервасия* и *Березки*: – *Мяне завуць Бярозкай, – з даверам сказала яна. –*

Язычніца? – Але. Царква не паспела дабрацца ў нашы балоты [1, с. 149-150]. Для главного женского персонажа повести, той единственной, которая сможет изменить Гервасия, заставит узнать, что такое настоящая любовь, автор выбирает языческое имя **Березка**, которое соотносится с общим существительным и вызывает ассоциации с чем-то светлым и радостным.

Остальных персонажей, что плывут в ладье, автор дифференцирует по профессии (**ноп**), месту жительства (**полочанин**) или просто называет человеком: *Поп хацеў нешта сказаць, але ягоныя словы заглушыў крык несамавітага жаху [1, с. 150]; І раптам Палачанін грывнуў шахматнай дошкай аб каменныя пліты [1, с. 164]; У гэты момант маленькі чалавечак, што хаваўся дагэтуль за спінамі другіх, рассунуў натоўп... [1, с. 165].*

Остальные гребцы ладьи отчаяния выступают как единая масса, общий фон: *А былыя весляры ладдзі Роспачы тым часам ішлі ўсё далей і далей, і вопратка высыхала на гарачых інніх грудзях, якія аж дымелі пад добрым сонцам [1, с. 167]; Людзі праходзілі паўз яго [1, с. 166].* На наш взгляд, отсутствие имен у гребцов ладьи связано с тем, что они перестают быть живыми, становятся послушными рабами Смерти. И только Гервасий, даже в этих условиях остается человеком, который любит жизнь. Только такой человек с неисчерпаемой жизненной силой сможет победить Смерть. И не важно, что сделает он это обманом и хитростью, главное – он спасет жизнь себе и другим гребцам.

В.Короткевич словно ставит знак равенства между рогачевскими жителями и гребцами ладьи: и те, и другие мертвы душой, они не способны радоваться жизни. Поэтому нередко при номинации и тех, и других писатель использует метонимию: *Магістрат кінуўся ў паніку [1, с. 146]; Ладдзя зарагатала [1, с. 151]*

В.Короткевич как бы подчеркивает, что далеко не каждый человек заслуживает индивидуального имени, а только тот, который действительно является человеком – смелым, живым, верящим в свои силы, способным на сильные чувства.

Высказанную идею подтверждает и номинация еще одного персонажа повести – перевозчика ладьи отчаянья.

При первом появлении героя автор употребляет только слово **перевозчик**: *– Я перавозчык ладдзі Роспачы [1, с. 143].* Это безглазое существо считает себя богом в этом страшном темном мире: *Вачэй не было. На іх месцы пушста расла белая плесня. Перавозчыку былі не патрэбныя вочы [1, с. 147].*

Однако когда перевозчик слышит песни родной земли, в нем оживает душа и открываются глаза: *І Выліваха ўбачыў, што з-над плесні на вачніцах Перавозчыка пакаціліся раптам слёзы. Яны, відаць, былі вельмі пякучыя, бо спалілі і знішчылі плесню. І з-над яе з'явіліся раптам вочы, спалоханыя жудаснай веліччу гэтага ржавага мора. Сінія [1, с. 148].*

Вместе с душой оживают и чувства, главное из которых – стыд за предательство. А вместе с чувствами появляется имя: – *Я Шолах*, – сказаў ён. – *Я прадаў Полацк кіеўскаму Уладзіміру* [1, с. 148].

Таким образом, имена в художественном тексте приобретают особенную семантику, дополнительные коммуникативные, ассоциативные и коннотативные качества, становятся текстуально маркированным средством. Подобранные антропонимы работают на реализацию авторской идеи. Причем показательным в художественном произведении является как наличие, так и отсутствие имени собственного у персонажа.

Список литературы

1. Караткевіч, У. Ладдзя Роспачы / У. Караткевіч // Збор твораў : у 8 т. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1988. – Т. 2. – С. 130–169.
2. Мезенка, Г. М. Беларуская антрапанімія : вучэбны дапаможнік для студэнтаў вышэйшых навучальных устаноў па філалагічных спецыяльнасцях / Г. М. Мезенка [і інш.] ; навук.рэд. Г. М. Мезенка. – Віцебск : Выд-ва УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2009. – 238 с.

Based on the story of Vladimir Korotkevich's novel *The Desperation Boat*, the text-forming functions of proper names in the literary text are examined, the subtextual information embedded in anthroponyms is revealed, the role of the name in the realization of the author's idea is determined.

Key words: anthroponym, personal nomination, literary text, Vladimir Korotkevich, author's idea